5 ИЮЛЯ 1996 Г. ТРУД-7

— прил. к газ. Труд.

Михаил Державин: Я НЕ ПРОСЫПАЛСЯ ЗНАМЕНИТЫМ

Фото С. ШИФРАНА

— Михаил Михалыч, прежде всего разрешите поздравить вас с юбилеем. Хотя в ваши шестьдесят верится с трудом: скорее, это похоже на удачный розыгрыш или на очередную шутку Ширвиндта. Что вы можете в связи с этим сказать?

— Что я и сам в это не вполне верю. Я начал было испытывать удовлетворение из-за того, что мне удалось сравняться с Александром Анатольевичем Ширвиндтом, не так давно отпраздновавшим свое шестидесятилетие. Но оказалось, что он тем временем ушел на два года вперед. Значит, опять мне его догонять... Дай Бог, чтобы это продолжалось подольше.

— Вы догоняете Александра Анатольевича, играете с Александром Анатольевичем в одном театре, вместе снимаетесь, отдыхаете, острите — и даже ваши жены дружат... Так не бывает, в чем тут дело?

— Конечно, не бывает — но правила существуют для того, чтобы их нарушать. Мы с Александром Анатольевичем задались этой целью еще до своего рождения: появившись на свет в одном и том же роддоме, мы поступили в одно Театральное училище. Затем мы вместе работали на Малой Бронной, в театре Ленинского комсомола, потом — вместе перешли в Театр Сатиры (правда, тут я его немного опередил), вместе выступали в капустниках, вместе работаем в концертах... Дайте срок — то ли еще будет.

— Вы с Ширвиндтом сегодня — самая востребованная и узнаваемая актерская пара. Не мешает ли вам, тонкому театральному артисту, ваша концертная популярность, не жмет ли маска, которую вы так удачно нашли?

— Зрительская любовь необременительна — уж тут вы можете мне поверить. К тому же я так тихо, так медленно входил в свою популярность, что успел с ней сжиться. У меня за плечами нет внезапных, переворачивающих судьбу удач, я не просыпался знаменитым. Моя популярность — это вся моя жизнь, и она меня нисколько не тяготит. Хотя само слово «популярный» меня не очень устраивает, у нас оно нынче стало не вполне приличным. Я скептически отношусь ко многим сегодняшним «звездам»: молодой человек один раз снялся в клипе, спел под фонограмму две дурацкие песенки — и он уже рассуждает в телевизоре о том, есть ли у России будущее. Для подобных субъектов один наш актер изобрел замечательное слово «звездо» — такое, знаете ли, постсоветское новообразование, симбиоз звезды и дерьма. Звездами были Раневская и Бернес, звезда — Марлон Брандо, с его мировой славой, харизматическим обаянием и поместьем на Таити. А в нашей значительной стране слово «звезда» скоро станет синонимом полного ничтожества, и приличных людей от него будет коробить.

— Во времена оные вы с Александром Анатольевичем объездили всю страну. Нынче ваши дороги бегут в другом направлении: Австрия, Италия...

— ...Израиль и Нью-Йорк. Мы прошли с концертами весь «шелковый путь» российской эмиграции. Грех себя хвалить, но успех был большим: на Брайтоне на нас смотрели, как чукча на автомобиль. На шею бросается человек из Казахстана, до Нью-Йорка не ездивший дальше Темиртау: «Я видел тебя по телевизору в Йошкар-Оле!» Бабушка приводит внучат: «Смотрите, детки: когда-то была страна СССР, я там жила и видела этого артиста в позабытой телевизионной передаче...» В общем, каждый приветствует наше искусство по-своему.

Но мы и по стране продолжаем ездить — в том числе и с Театром Сатиры, который до сих пор остается одним из самых приглашаемых коллективов. Михаил Ильич Ромм, сказавший, что кино убьет театр, к счастью, ошибся: кинотеатры пустуют, а в театр люди идут — несмотря на то, что билеты стоят очень дорого. Нас прекрасно принимают на периферии, а если этим летом мы остались в Москве, то только потому, что у нас и в столице полные сборы. Люди идут в театр — несмотря на то, что за городом их ждет огородик. Ездим мы и вдвоем с Александром Анатольевичем: когда нас зовут, мы, как правило, не отказываемся.

— В прошлом веке артистов императорских театров кормила провинция, месяц гастролей приносил столько же, сколько год службы на столичной сцене...

— На гастролях мы работаем на театр: у нас семьдесят человек артистов, оркестр, цеха... Когда мы с Александром Анатольевичем едем по личному приглашению какого-нибудь продюсера, то получаем деньги, которые позволяют нам очень неплохо жить. Но это бывает редко: ведь нашу жизнь планирует Театр Сатиры. Нам надо отпрашиваться у директора, ему — вносить коррективы в репертуар... К тому же мы с Александром Анатольевичем заняты в разных спектаклях. Предложений очень много, мы богатыми людьми могли бы стать, да творческая совесть не позволяет.

— Мне кажется, что актер всегда был в рынке. Ему вечно приходилось вести борьбу за выживание, за роли в театре и кино, за приносящие деньги подработки...

— Да, это так. В театре существует изначально рыночная ситуация: зритель голосует своим кошельком за хорошего артиста и за хороший спектакль. Можно получить роль по блату, но сыграть ее по блату нельзя: ты провалишься, на тебя не будут ходить. Сталин сделал из МХАТа придворный театр, там были прекрасные зарплаты, квартиры, дачи... Но если бы в театре не было великолепных артистов, зрителей в здание в Камергерском пришлось бы загонять при помощи НКВД.

Театр интернационален: Антуан Витез, один из директоров «Комеди Франсез», лет двадцать назад ставивший у нас «Тартюфа», говорил мне: «Мишель, пока я у вас, мне кажется, что я в Париже. Но стоит мне выйти на улицу, и я вижу, какая между нашими странами колоссальная разница». С тех пор ничего не изменилось. Законы, лежащие в основе театра, одинаковы и при социализме, и при капитализме: выживаемость, самостоятельность, успех. Правда, новое время применяет их с большей жесткостью: многие из тех, кто в былые времена имел такую же, как у нас, категорию, получал такую же зарплату, нынче оказались не у дел. В театре так было всегда: если ты не вписался, режиссер может снять тебя с роли — и обижаться на это не надо. Артист — профессия жестокая; сегодня на это накладывается очень жесткое время. Театру надо выпускать больше спектаклей, бороться за зрителя с западными фильмами, которые каждый вечер крутят по телевизору, а нам, актерам, уметь за себя постоять, вновь и вновь доказывать свою творческую значимость... Как ни странно, артистам старшего поколения это часто удается лучше, чем молодым. Мы были очень жестко воспитаны — и поэтому оказались готовы к новым временам. И возраст уже не тот, и силы не те, но я абсолютно нормально чувствую себя в сегодняшней жизни. А когда я вижу, как совсем еще молодые люди аплодируют нашим старым спектаклям, которым хлопали еще их родители, то понимаю, что годы, отданные Театру Сатиры, были прожиты не зря.

— Уж очень серьезная у нас получается беседа. Читатели меня не поймут: был у Державина и не спросил ни о тесте — Буденном, ни о рыболовных подвигах, не попросил рассказать любимый анекдот... Да-да, не морщитесь, все это стало неотъемлемой частью вашего мифа, и нам от этого никуда не уйти.

— Если я заговорю о рыбалке, то вы меня уже не остановите. Когда мы с Александром Анатольевичем слышим это слово, у нас загораются глаза. Новая удочка, какая-нибудь особенно хитрая блесна, фирменная снасть — сколько во всем этом радости! Раньше мне денег не хватало не все эти игрушки, а теперь не хватает рыбы... Впрочем, не все еще потеряно: у Александра Анатольевича в Завидово стоит маленький домик — бывший магазин, с печкой и двухэтажной солдатской кроватью внутри. А в Завидово есть много небольших озер, где караси так и ходят — поди поймай меня, человек с удочкой! Что ты чувствуешь, когда вытаскиваешь первого такого прохвоста, я вам передать не могу — вы все равно не поймете.

Тут присутствует гамма чувств, абсолютно не доступная человеку, не болеющему рыбалкой. Ты поймал хорошую рыбу, посадил ее в садочек — а садок проваливается и на твоих глазах, медленно и плавно уходит на дно... Ты подсек здоровую щуку и выволакиваешь ее на берег — и в это время выскакивает ее зубастая подруга, хватает ее, срывает с крючка и скрывается с ней в глубине... Или еще — мы с Александром Анатольевичем сидим на Даугаве в одной лодке, и я из последних сил вытягиваю огромного жереха. Тяну, стараюсь, чувствую — сейчас сорвется. И тут Ширвиндт бросается вперед и, как Багира, лапой, выхватывает рыбину из воды!.. А голоса птиц, запахи травы, все то, что озвучивает наши приключения, — как это описать? На природе я испытываю то состояние восторга, которое свойственно выпущенным из клеток цирковым собачкам, когда они, бедняги, носятся, роют носом землю. Думаю, что мы с Александром Анатольевичем во время наших рыболовецких экспедиций сильно на них похожи.

А Буденный... Он тоже был заядлым рыбаком. У меня в глазах до сих пор стоит картина: мой бывший тесть сидит с удочками на плотине и сладко спит. У каждого рыбака есть свои заветные приемы: буденновский маневр относится к числу наиболее приятных и полезных для здоровья.

— Юмор помогает вам жить?

— Да, конечно. Главное — увидеть в смешном свете себя самого, и жизнь сразу станет светлей.

В конце нынешней зимы, к примеру, я вышел из квартиры за газетами и застрял в лифте — в халате и тапочках, с голыми ногами. Моя жена Роксана спит, соседка — на съемках, мама — она живет этажом ниже — плохо слышит. Начинаю вспоминать, как открывается лифт, и из глубин памяти всплывает образ полупьяного мужика, орудующего проволокой на его крыше. Значит, надо бороться за жизнь, полагаясь лишь на свои силы, думаю я, расправляю плечи и нажимаю на кнопку домофона. Молчание. Повторяю попытку — и в динамике кто-то хрюкает.

— Я, Михаил Михалыч Державин, сижу в лифте, прошу о помощи...

— Вот еще.

— Хорошо бы меня открыть, — взываю я к домофону. — Мне холодно! Я в тапочках!

— Что ж вы одеваетесь так легко?

— Кто это говорит?! — кричу я, обезумев.

И динамик мощно отвечает:

— Это я, водопроводчик. Больше тут никого нет. А я вчера немного выпил, задержался...

И начинается долгий разговор «за жизнь»...

Когда я уже стою, как аист, на одной посиневшей ноге, водопроводчик находит спичку и записывает ею телефон моей жены, но тут просыпается весь наш дом. С этажа на этаж несется клич: «Державин застрял в лифте!» Сбегаются толпы соседей в шубах, полушубках, теплых халатах и извлекают на свет Божий меня, синего и дрожащего. ...А водопроводчик подходит ко мне и по сей день: «Михалыч, с тебя сто грамм. Я тебя из лифта вынул».

Самоирония помогает быть готовым к любой неожиданности, сохранить внутреннюю форму. Это дело очень полезное — ведь никогда не знаешь, что с тобой произойдет через минуту. У нас в театре, к примеру, живут кошечки, которые гуляют сами по себе. Мне пока везло: в спектаклях, где я занят, кот выходил лишь в комических эпизодах. А ну как в трагедии во время последнего, предсмертного монолога у моих ног пристроится кот? Подобные случаи бывали — и тут от инфаркта может спасти только юмор.

Я помню, как в «Ревизоре», во время финальной сцены, когда зашатались декорации и появился человек в черном (Алеша Левинский) — мистического вида горбун, — на сцену выскочил огромный черный котяра. Он бросился на спину Алеше, потом, сверкнув зеленым глазом, прыгнул на декорации, перескочил на Георгия Павловича Менглета, попав при этом в такт музыке... И тут разразилась буря аплодисментов, зал буквально взорвался. Плучек отнесся к этому с юмором — тем, кто не был в курсе дела, он говорил, что так и было задумано. Но я не знаю, что было бы с его иронией, если бы кот содрал с кого-нибудь из нас парик...

— Какой подарок к юбилею вас наиболее обрадовал?

— Мы с Александром Анатольевичем и Григорием Гориным сами готовим себе подарок. Будем делать спектакль на трех актеров: двух мужчин и женщину. Тема — история русского артиста за последние семьдесят лет. По идее это должно быть нечто вроде обозрения, построенного на импровизации, на живом общении с залом. Мы будем заниматься этим спектаклем в следующем сезоне — надеюсь, что все получится так, как мы хотим.

— А что вы бы хотели получить от судьбы?

— Здоровья... Хотелось бы, чтобы в стране все было хорошо — ведь от жизни в театре не спрячешься.

— А что до этого вам, артисту? Театр был при Ленине, Сталине, Брежневе, остался при Ельцине, никуда не делся бы, глядишь, и при Зюганове...

— Вы забыли о цензуре. Сейчас ее, слава Богу, нет, а я по привычке сам за собой присматриваю. Это изуродовало мое поколение: мы все стали безобразно осторожны. Хотя иногда и это полезно — внутренний цензор помогает «держать планку», не дает поддаться новомодным веяниям, вроде спекуляций на политике или порнухе. Самоцензура, как и самоирония, — дело, пожалуй, не вредное, но храни нас Бог от цензоров из райкома...

Беседу вел Алексей ФИЛИППОВ.